

7(20) ноября 1910 года, в 6 часов 05 минут на захоластной станции Астапово, Рязано-Уральской железной дороги, в скромном домике начальника станции от воспаления легких скончался всемирно известный писатель и мыслитель, почетный член Киевского университета Св. Владимира Лев Николаевич Толстой.

Следует сказать, что к возможной смерти писателя Министерство внутренних дел и Департамент полиции, в частности, начали готовиться заранее. 5 ноября 1910 г. губернаторам была направлена телеграмма за подписью товарища министра внутренних дел и начальника Корпуса жандармов генерал-лейтенанта П. Г. Курлова, в которой предписывалось в случае смерти Толстого не оказывать противодействия служению панихид. В то же время за устроителями и присутствующими надлежало «учредить неослабное наблюдение и никоим образом не допускать никаких выступлений противоправительственного характера» [1, с. 194—195].

В тот же день киевский полицмейстер фон Ланг подписал секретный приказ, который предусматривал комплекс мероприятий, направленных на предупреждение могущих быть в городе демонстраций и беспорядков в случае смерти Л.Н. Толстого.

После получения известия о смерти Льва Толстого события в Киеве, согласно рапорта полицмейстера, развивались следующим образом:

«...7-го н о я б р я:

В 10 ½ час. утра на улицах разносчики газет начали продавать выпущенные телеграммы о смерти писателя графа Л. Н. Толстого, а в 11 ½ час. утра группы студентов и курсисток стали ходить взад и вперед по Владимирской улице, возле здания университета; в 3 ½ часа дня со стороны Владимирской и Караваевской улиц появились курсистки, числом до 200 душ и, идя по 2—3 вместе, направились к зданию высших женских курсов, но нарядом полиции в помещение курсов они допущены не были, а рассеяны в разные стороны» [Там же, л. 28].

На следующий день Совет университета Св. Владимира на своем экстренном совещании обсудил вопрос о чествовании памяти Л. Н. Толстого и единогласно принял решение: установить в актовом зале университета бюст писателя; учредить премию

его имени за лучшее сочинение по русской литературе и устроить публичное торжественное заседание в актовом зале университета [3, л. 8].

«...8-го н о я б р я:

а/ По получении телеграммы о смерти графа Толстого, Совет профессоров университета св. Владимира, приступив к обсуждению программы чествования памяти Толстого, как бывшего почетного члена университета, отменил в этот день чтение лекций, почему все аудитории были закрыты и доступ студентов в университет был допущен только в нижний коридор. В здании университета, по просьбе учебного начальства, возле каждой аудитории и у университетской церкви были расставлены наряды войск и полиции для охраны от насильственного вторжения студентов. Студентов собралось в университетском коридоре до 2.000 человек и они обсуждали вопрос о чествовании памяти писателя, причем, одни решили избрать делегата к ректору университета для выяснения вопроса чествования, другие же предлагали решить это самостоятельно, а именно: пропеть "вечную память", спокойно разойтись и объявить трехдневную забастовку по случаю смерти Толстого. На этой почве между студентами тех и других направлений происходили прения. Затем начали петь "вечную память"; после того, в виду переполнения коридора, студенты начали уходить из университета. Когда уходили, то произносили оскорбительные выражения по адресу полиции и войск. Выходившие из университета студенты останавливались на крыльце университета и образовывали толпу, почему чинами полиции им было несколько раз предложено разойтись, но они этого не исполняли, объясняя, что не уйдут до тех пор, пока им не будет объявлена выработанная профессорами программа чествования. Помощник проректора, по распоряжению ректора университета, вышел к студентам и объяснил, что программа им не будет объявлена и чтобы они не ожидали и расходились.

После этого чинами полиции было категорически предложено студентам требование расходиться, и когда студенты в ответ начали петь "вечную память", то были рассеяны натиском пешего и конного наряда. Студенты направились в разные стороны, а некоторая их часть на Владимирскую улицу, где почти остановились на скрещении Владимирской и Фундуклеевской улиц, так как здесь в то время какому-то раненому из толпы /в руку/ врачом "скорой помощи" делалась перевязка и это обстоятельство привлекло внимание шедших от университета студентов. Для рассеяния все увеличивавшейся толпы в помощь наряду полиции была вызвана часть артиллеристов, дежуривших во дворе городской полиции. Толпа, теснимая войсками и полицией, стала отступать на тротуары и расходиться. Здесь были ушиблены /легко/ одна курсистка и три студента. В 3 часа дня на Фундуклеевской улице, со стороны Владимирского собора, появилась новая толпа, преимущественно из студентов и курсисток. Нарядом толпа была задержана на Фундуклеевской улице, против Театральной. Задние ряды толпы, прижатые конными войсками и городскими, выломали напором окна в некоторых магазинах на Фундуклеевской улице.

К 4 часам дня все были рассеяны и на улицах восстановлен порядок. Из толпы, по распоряжению охранного отделения, были арестованы на Владимирской улице: сын действ(ительного) ст(атского) сов(етника) Николай Александрович Р е й н б о т и акушерка Елизавета Яковлевна М и н д л и н, которые были задержаны при Старокиевском участке и затем освобождены: первый — в день ареста, а Миндлин — 9 ноября.

б/ В Политехническом институте с 9 часов утра стали собираться большими группами студенты-политехники и к 11 часам их собралось более тысячи человек, после чего в большой физической аудитории открылась, с разрешения директора, сходка, посвященная памяти Толстого. На сходке несколько раз пели "вечную память" и были вынесены резолюции; между прочим обсуждался вопрос об устройстве гражданской панихиды возле университета, но мнения расходились и к определенно-

му заключению не пришли. Сходка окончилась в 5 часов вечера и студенты разошлись из института, не нарушая порядка на улицах; никаких инцидентов и столкновений с полицией, охраняемой институт, не было.

в/ В Коммерческом институте с 10 часов утра пришедшие в институт студенты к обычным занятиям не приступили, а расхаживали по коридорам и аудиториям. Затем стали обсуждать вопрос о посылке от института делегатов в Ясную Поляну на похороны Л. Н. Толстого. Многие студенты, побывав в институте, уходили и возвращались обратно, так что с утра до 2 часов дня перебивало в институте до 700 человек. В 2 часа дня из дверей черного хода института стали выходить во двор студенты с обнаженными головами и пением "вечной памяти", группироваться недалеко от дворового ретирода, но нарядом полиции пение было прекращено и певшие удалены со двора.

г/ В помещении высших женских курсов, на Фундуклеевской улице, к 10 часам утра стали собираться курсистки; собравшись в числе до 400 душ, курсистки в 10½ часов пропели в коридорах "вечную память", а по выходе из здания — пели так же у ворот. Затем направились по Фундуклеевской улице, где на углу Владимирской, были рассеяны конно-артиллерийским разъездом и полицией.

д/ В 12 часов дня в помещении технических курсов Перминова собралось до 300 слушателей, которые устроили сходку и решили прекратить занятия во всех аудиториях в течение трех дней: 8, 9 и 10 ноября. После этого, не приступая к занятиям, слушатели разошлись спокойно» [2 л..58—59].

На следующий день, согласно того же рапорта киевского полицмейстера, события, связанные со смертью Льва Толстого, приобрели в Киеве «...более угрожающий характер общественному порядку и государственной безопасности».

«...9-го ноября:

а/ Ввиду закрытия университета нарядом полиции доступ студентов на площадь перед зданием университета был прекращен с утра. К 11 часам утра студенты университета и других учебных заведений стали собираться на прилегающих к университету улицах, преимущественно на Владимирской, Фундуклеевской и других соседних улицах, а к 12 час. на площади перед зданием городского театра и выше по Владимирской улице, до Прорезной, было много учащейся молодежи, ходившей по тротуарам взад и вперед. Эта публика все время делала попытки сгруппироваться, но была каждый раз рассеиваема и разгоняема в разные стороны находившимися на улице конными разъездами казаков и нарядами полиции. В нескольких местах ходившая публика пыталась сгруппироваться и петь "вечную память", но не была к этому допускаема.

Такое положение продолжалось с утра до 3 часов по полудни, когда со стороны Политехнического института подошли студенты, бывшие в институте на разрешенной сходке, которые, смешавшись с толпой на тротуаре на Фундуклеевской улице, против городского театра, начали петь "вечную память". Полиция и казаки рассеивали собравшихся на тротуаре, но часть из них, состоявшая из студентов университета, политехников, коммерсантов и слушательниц высших женских курсов, упорно продолжала пение, почему все эти упорствующие, в числе 107 человек, были задержаны и отправлены в Старокиевский участок. Лица эти настолько упорствовали, что, будучи уже арестованными и следуя под конвоем в участок, они продолжали петь на улице "вечную память". В числе этих задержанных были и такие, которые при требовании чинов полиции прекратить пение и расходиться бросали камнями в чинов полиции, причем, нанесли удары околоточному надзирателю Москаленко и стражникам Филиппенко и Пушкаруку. Таким упорством они действовали на толпу, которая в нескольких местах после того пыталась запеть "вечную память". Кто именно бросал камнями в стражников, выяснить не представилось возможным, но только установлено, что в надзирателя Москаленко бросил камнем и

нанес ему удар студент Политехнического института Ивашин, который был задержан там же на месте.

б/ В Политехническом институте состоялась уже вторая сходка студентов, которых собралось более тысячи человек, при чем на сходке пели "вечную память", а в аудитории были вывешены белые и черные флаги, имевшие значение траура; обсуждался порядок чествования памяти Толстого. На сходке было решено выйти из института, толпой пройти по улицам с пением "вечной памяти" и устроить в городе гражданскую панихиду, но присутствие усиленного наряда полиции и казаков помешало этому и около 2-х часов дня студенты стали разъезжаться в город в вагонах трамвая, а часть отправилась пешком. Большинство из них, как потом оказалось, направились к городскому театру, вследствие чего и явился инцидент, описанный выше в 3-м пункте лит. А.

в/ Коммерческий институт. Входы в институт и аудитории были закрыты и администрацией института вывешены объявления о закрытии института на 9 и 10 ноября. Для предупреждения беспорядков возле института был поставлен наряд полиции. После 3 часов дня с Фундуклеевской улицы к институту направлялись неоднократно студенты Политехнического и Коммерческого институтов с обнаженными головами и пением, но бывшим здесь нарядом полиции и казаками они были рассеяны и в институт не допущены, причем в этом месте бывший в наряде околотовочный надзиратель Лыбедского участка Пономарский, будучи окружен толпой, вынужден был обнажить шапку, но никому ранений не причинил.

г/ В женском медицинском институте слушательницы института, в числе около тридцати, пытались пропеть "вечную память", но по первому требованию находившихся в наряде городских немедленно и без протеста разошлись.

д/ В Южно-Русском машиностроительном заводе на работы явилось 517 человек. До полудня работа шла как всегда, а в 12 часов рабочие, отправляясь на обед, во дворе завода пели "вечную память", после чего в порядке разошлись по домам, а после обеда явилось на работу только 262 человека...

При рассеянии толпы на улицах в течение 9 ноября нарядами войска и полиции, пострадали следующие лица : в 12 час, 50 мин. дня против дома № 22 по Фундуклеевской улице, акушерка Гзель Гермин, 27 лет, живущая по Большой Житомирской улице, в доме № 27, была сбита с ног лошадьё и получила ушибленную рану левой брови. Медицинская помощь ей оказана на месте "скорой помощью".

В 3 ½ часа дня, возле городского театра, конный стражник Тарас Филиппенко, 30 лет, получил ушибы груди и двух пальцев левой руки.

В 3 часа 5 мин. дня против дома № 23 по Фундуклеевской улице казак I-го Уральского казачьего полка Николай Чертоголов упал с лошади и при падении получил перелом голени правой ноги. Чертоголов на извозчике был отправлен на станцию "скорой помощи", а оттуда — в военный госпиталь.

В 3 часа 35 мин. дня, против городского театра, студент Политехнического института Даниил Приволок, 20 лет, живущий на Львовской улице в доме № 31, ударом нагайки получил ушибленную рану головы.

В 4 1/2 часа против дома № 17 по Фундуклеевской улице крестьянин Михаил Маковский, 42 лет, /по виду — чернорабочий/ получил ссадину пальца правой ноги, — отдала лошадь.

На углу Бибиковского бульвара и Владимирской улицы городской конной стражи Арсений Горохольский, 27 лет, рассеивая толпу, упал с лошади на мостовую и получил вывих ступни правой ноги. Горохольскому оказана помощь фельдшером Старокиевского участка.

В остальных случаях пострадавшим было оказано пособие на станции "скорая помощь". Тяжело пострадавших, за исключением казака Чертогорова, как с той, так и с другой стороны, — не было [Там же, л.л. 59 —60 об., 62].

В 19 часов этого же дня под председательством Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора генерал-адъютанта Ф. Ф. Трепова состоялось заседание комиссии, созданной с целью предотвращения беспорядков, возникших по случаю смерти Л. Н. Толстого. В состав комиссии вошли: 1) помощник командующего войсками киевского округа, генерал от инфантерии барон А. Е. Зальц, 2) и. д. Киевского губернатора А. Ф. Гиреч, 3) начальник штаба округа генерал-лейтенант М. В. Алексеев, 4) управляющий канцелярией генерал-губернатора Б. А. Булгаков, 5) начальник Киевского губернского жандармского управления генерал-майор К. Х. Леонтьев, 6) делопроизводитель 3-го отделения канцелярии генерал-губернатора П. И. Забутин, 7) его помощник по г. Киеву подполковник А. Л. Иванов, 8) прокурор Киевской судебной палаты, действительный статский советник Д. С. Кукуранов, 9) начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко, 10) и. о. Киевского полицмейстера Бердичевский полицмейстер титулярный советник И. К. Машир.

После заслушивания докладов Машира, Кулябко и Гиреча комиссия единогласно постановила: 1) немедленно освободить арестованных, за исключением двух бросавших камнями, разъянив им, что в случае повторного задержания они будут подвергнуты предусмотренному законом наказанию; 2) данное постановление сообщить директору Политехнического института и поручить ему взять со студентов-политехов обещание не принимать участия в каких-либо уличных беспорядках и 3) признать необходимым для прекращения беспорядков назначить следующие наряды: два эскадрона 2-й конно-горной артиллерийской дивизии в Бульварный и Лыбедской участки и четыре сотни казаков в резерв в казармы Уральского полка, четыре дежурные роты, распределенные на прежних местах, и пятая рота в доме против здания Политехнического института на Шулявке [Там же, л. 22—23 об.].

В тот же день начальником штаба Киевского военного округа Алексеевым был подписан приказ, согласно которому «для содействия полиции по прекращению беспорядков, ожидаемых 10 ноября», гражданским властям выделялись необходимые воинские части. При этом предписывалось «выдать на руки казакам и нижним чинам установленное количество боевых патронов», а при требовании рассеивания толпы они должны «действовать энергично, предупреждая толпу сигналами на барабанах, горне и трубе и рассеивая ее напором коней, двигаясь рысью» [1, с. 199].

В эти дни в условиях повышенной готовности работали сотрудники киевского охранного отделения. 9 ноября начальник киевской «охранки» подполковник Н. Н. Кулябко направил начальнику киевского отделения Киевского жандармского полицейского управления железных дорог совершенно секретное сообщение, в котором указывалось:

«...От агентуры получены сведения, что среди железнодорожных служащих идут оживленные разговоры о Льве Николаевиче ТОЛСТОМ и высказывается желание, в случае смерти его, прекратить в этот день все работы. Особенно много трактуют об этом мастера: РАДЗИЕВСКИЙ, ДОНЦОВ, СЕМИТУЛЬНИКОВ, Николай МОРОЗОВ, ПИНЬХАТЬКО и Сергей СЕРДЮК» [4, л. 3].

Однако опасения киевских властей о том, что 10 ноября станет днем еще большего неповиновения полиции и войскам со стороны бастующих студентов, не оправдалось. В рапорте киевского полицмейстера от 13 ноября сообщалось, что «толстовские дни» 10, 11 и 12 ноября прошли без особых противостояний студентов и полиции.

Заметим, что 10 ноября на имя киевского градоначальника поступила почтовая карточка, на которой печатными буквами было написано: «ЕСЛИ НЕ ПРЕКРАТИТЕ НАСИЛИЯ И ЕЗДУ КАЗАКОВ ПО ТРОТУАРАМ, ТО ЗАВТРА БУДЕТЕ УБИТЫ. ЧТИТЬ ПАМЯТЬ ТОЛСТОГО НИКТО НЕ ЗАПРЕТИТ. СТЫДНО! И.К. П.А. К.К.» [Там же, л. 27].

Министерство внутренних дел с удвоенной зоркостью следило за событиями, происходящими в Москве, Петербурге, Киеве и других крупных городах. 13 ноября

губернаторам и градоначальникам была направлена шифрованная депеша, в которой предписывалось «принять к неуклонному исполнению нижеследующие указания: 1) предупредить начальство учебных заведений о недопустимости разрешения всяких сходок; 2) всякие уличные демонстрации должны быть немедленно подавлены; 3) предупредить редакторов газет, что помещение статей, подстрекающих уличные демонстрации, недопустимы; 4) не разрешать до прекращения беспорядков никаких собраний, на которых «можно ожидать антиправительственных или возбуждающих к беспорядкам постановлений» [1, с. 199].

Следуя министерскому предписанию, киевский генерал-губернатор Ф. Ф. Трепов направил и.о. киевского губернатора А. Ф. Гиречу секретное письмо, в котором сообщал, что 13 ноября в Купеческом зале под председательством профессора Киевского университета Волкова должно состояться собрание, посвященное памяти выдающегося русского хирурга Н. И. Пирогова. Однако он опасается, что участники собрания, находясь под впечатлением последних событий, связанных со смертью Л. Н. Толстого, могут обратить этот форум в манифестацию, и поэтому просит распорядиться о том, «чтобы предположенное чествование памяти Н. И. Пирогова было отложено впредь до наступления в г. Киеве полного спокойствия». Получив письмо генерал-губернатора, Гиреч наложил на нем резолюцию: «Собрание надо перенести», что и было сделано. [2, л. 44 — об.].

Несмотря на то, что занятия в учебных заведениях г. Киева возобновились, киевская «охранка» продолжала оперативное отслеживание ситуации в студенческой и либерально настроенной профессорской среде. 17 ноября начальник Киевского охранного отделения подполковник Н. Н. Кулябко направил и.о. губернатору А. Ф. Гиречу совершенно секретное сообщение, в котором указывал, что, по имеющимся в отделении негласным сведениям, среди учащихся высших учебных заведений продолжается усиленная агитация о чествовании памяти графа Л. Н. Толстого. Одним из главных их решений является протест против смертной казни, который должен выразиться в форме устройства демонстрации. Эту демонстрацию предполагают устроить на девятый день смерти писателя. Для выработки общего плана действий из представителей высших учебных заведений создан «Коалиционный Совет», который был арестован в полном составе во время первого заседания. «Таким образом,— делал вывод руководитель киевской охранки,— намеченный Советом план демонстрации не мог быть своевременно известен учебным заведениям и таковые остались без главных своих руководителей, что вызвало среди них страшный переполюх и растерянность».

В заключение Кулябко сообщал, что «в настоящее время, в виду постигшей неудачи в девятый день, решено перенести все активные выступления на 40-й день, приложив при этом все усилия, чтобы привлечь к демонстрации возможно большее число рабочих и киевской интеллигенции». [Там же, л. 32].

22 ноября главный киевский охранник Кулябко направил генерал-губернатору Ф. Ф. Трепову совершенно секретный доклад, в котором отмечал, что «смерть графа Л. Н. Толстого вызвала огромное оживление в киевских либеральных и революционных кругах. Вопреки их ожиданиям, настроение учащейся молодежи вылилось в очень резких и на редкость солидарных, под руководством так называемого «Коалиционного Комитета», действиях».

Далее Кулябко констатировал, что во время «толстовских дней» все советы профессоров высших учебных заведений Киева пошли навстречу правительственным властям и, по возможности, содействовали недопущению беспорядков. И только Политехнический институт «стал против этого, допуская в своих стенах делать беспрепятственно беспорядки своим студентам».

«Но это все в прошлом,— писал жандармский подполковник.— Теперь, к счастью, беспорядки, связанные с толстовскими днями окончились и страсти начали

успокаиваться». Тем не менее, продолжал Кулябко, совет профессоров Политехнического института во главе с его директором К. В. Дементьевым обратился к руководителям всех высших учебных заведений Киева с новым предложением: принять участие в чествовании памяти умершего писателя Л. Н. Толстого, организуемом ими на базе Политехнического института. Данное предложение уже поддержали два частных учебных заведения: Медицинский женский институт в лице профессора С. П. Томашевского и Коммерческий институт в лице профессора М. В. Довнар-Запольского. Шеф киевской охранки опасался, что к ним могут присоединиться и другие руководители учебных заведений города. Поэтому Кулябко не сомневался, что «если будет разрешено соединенное чествование памяти Толстого, то это послужит вновь сигналом к беспорядкам». С целью их недопущения он предлагал генерал-губернатору запретить «совместное чествование памяти писателя Толстого».

Прочитав доклад Кулябко, Трепов наложил на нем резолюцию: «Пригласить ко мне г. Дементьева между 10 — 12 час. дня 12 ноября 1910 г.». [Там же, л. 34].

Следует предположить, что «беседа» генерал-губернатора со строптивым профессором-либералом имела положительный для киевских властей результат, т. к. в дальнейшей полицейской переписке сведений о проведении совместного мероприятия по чествованию памяти Л. Н. Толстого не имеется.

(Печатается с сокращениями)

Источники:

1. Апостолов Н. Н. Лев Толстой и русское самодержавие. М.— Л.: Госиздат, 1930.
2. Центральный государственный исторический архив Украины (ЦГИА Украины). Ф. 442. Оп. 858. Д. 304.
3. Государственный архив г. Киева Ф.16. Оп. 350. Д. 93.
4. ЦГИА Украины. Ф. 275. Оп. 1. Д. 2049.

